

Из книги Д. С. Лихачев. Заветное. М., 2006.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

*Альберт ЛИХАНОВ, писатель,
академик Российской Академии образования, председатель Российского
детского фонда, директор Научно-исследовательского института
детства РФ*

Дорогие учителя! Уж кому как не вам лучше и основательнее иных понимать глубокую сущность понятия и сути слов ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО.

Повторить значит закрепить знание. Повторить — значит соединить познаваемое с предыдущим и последующим, помочь ученику, скрепляя одно с другим, формировать целостную картину темы, предмета или даже мира.

Я полагаю, что ценность заветов Д. С. Лихачева именно в этом — повторении пройденного этим замечательным человеком и ученым, ибо было бы наивным полагать, будто современность активно создает новые ценности — несмотря на громкий и сомнительный шум, сопровождающий суету на тему этой мнимой, на мой взгляд, суеты.

Нет смысла характеризовать Дмитрия Сергеевича как личность нравственную, духовную, ищущую. Сказанное и написанное им самим — достаточная самохарактеристика и самооценка. Так что, оценивая много лет спустя после ухода Лихачева его труды и отдельные высказывания, нам следует повторить пройденное им, отысканное его духовными исканиями, и это, как увидим, окажется не только частным делом, но важной практикой для всего общества и всей страны.

Для уроков, которые преподавал Д. С. Лихачев и детям, и взрослым.

Сегодня более чем часто и суетно употребляется термин «образование», причем его наполнение кому-то кажется вполне определенным, самодостаточным, что, конечно же, ошибка. Даже бывшая Академия педагогических наук стала только Академией образования — сухо, холодно, технологично и бессердечно.

Устойчивое впечатление: школу норовят освободить от функций воспитания, ответственности за формирование человеческой личности, наконец, от любви, от привязанности, от этого всего закрываясь как будто знанием, которое опять же сверху — сокращается, умаляется, отрезается, дозируется.

Из школы — не из всякой, конечно, лучшие-то сопротивляются, — уходит понятие «нравственность».

А Лихачев нам завещал иное. Он писал:

«Жить в нравственном отношении надо так, как если бы ты должен был умереть

сегодня, а работать так, как если бы ты был бессмертен».

В наследии Дмитрия Сергеевича я выделяю нравственные поиски как главный труд и главную ценность, и здесь он следует традиции русской литературной классики — традиции Пушкина, Толстого, Достоевского. В его трудах есть такая запись:

«У Белинского где-то в письмах, помнится, есть такая мысль: мерзавцы всегда одерживают верх над порядочными людьми потому, что они обращаются с порядочными людьми как с мерзавцами, а порядочные люди обращаются с мерзавцами как с порядочными людьми».

И еще одна, примыкающая, мысль:

«Мицкевич где-то сказал: Дьявол трус, он боится одиночества и всегда прячется в толпе».

И еще:

«Дьявол ищет темноты, и надо от него прятаться в свете».

Две рядом стоящие записи, но какое же между ними видится гигантское, в позитивном смысле слова, глобальное пространство.

Это пространство совсем не назовешь непахатым. Напротив, оно изрыто вдоль и поперек, распаханно воронками тихих разрывов, осыпано прахом разрушенных судеб, толченым кирпичом разломанной морали.

Дети наши криком кричат, спрашивая: где же истина, в чем правда, куда идти, к чему стремиться, ради чего жить? Нет ответа...

Впрочем, он есть. Ответы на эти восклицания, чаще всего не произнесенные, давным давно дала наша классика, в том числе Лихачев. Но, во-первых, мало ребенку это узнать, прочитать, надо ведь в этом еще утвердиться, с помощью учителя, родителей. Надо душе, не устоявшейся в жизни, преодолеть дьявольские искушения денег, пива, детской молвы, цинизма старших.

А, во-вторых, сам-то учитель — он каков? Не разуверился ли под гнетом повседневности, неустойчивости каждоминутной обработки, социальной отторженности, испытания высоких надвременных ценностей?

А если разуверился — чем и как поможет воспитаннику своему?

И здесь особое слово надобно сказать об учительстве.

Я дитя войны, и в ту жестокую пору маленькой своей душой сумел понять, испытав на себе, истинно святую учительскую предназначенность.

Я немало — в прозе, и в публицистике — сказал о моей любимой учительнице Аполлинии Николаевне Тепляшиной. Она прожила 96 лет, 70 из них отдав школе в Вятке. Начала еще с дореволюционной церковно-приходской, была, как я узнал уже после ее ухода, верующим человеком, а за труды свои — по выслуге лет; была тогда для учителей такая система поощрения — она дважды награждена. И не чем-нибудь, а двумя орденами Ленина.

За ордена полагались небольшие, но деньги, и учительница сказала нам, малышам, такую взрослую фразу, которую мы, несмотря на малость лет, вполне уразумели: «Я не

считаю себя вправе тратить эти деньги на себя». И покупала для нас единственное, что продавалось без карточек — в аптеке большие такие коробочки с витамином «С».

Учиться мы начинали в 8 утра — школа работала в три смены — света не было, все электричество по утрам забирали в Кирове оборонные заводы и госпитали — и вот при свете свечей и коптилок, словно в храме, Аполлинария Николаевна обходила класс и каждому из сорока учеников, прямо в рот, серебряной старинной ложечкой вкладывала витаминку.

Обучая гигиене, ложечку споласкивала в кружке, которую нес дежурный — давала горошину следующему. Зачем каждому и обязательно в рот? Чтоб не обронили, не потеряли, это был 2-й, 3-й класс.

Когда, видимо, деньги за ордена кончались, тратила на нас свою зарплату, когда и она заканчивалась, велела нам обламывать сосновую хвою во дворе и заваривала ее в эмалированном ведре — здесь помогала ей нянечка.

Так она спасла свой класс от цинги.

Почтальонша, ее ученица, приносила похоронки, но не родителям, а ей, учительнице, на ее же учеников.

Невозможно описать и трудно даже подумать, что она испытывала. Но брала эту тяжесть на свою душу, и мне известен случай, когда похоронку учительница забрала себе, потому что мать погибшего ученика тяжело болела, и отдала по назначению сама, несколько месяцев спустя, думая о спасении этой матери.

Хочу заметить: школа, о которой идет речь, была начальной, маленькой, но уже в ту пору у нас работали еще две учительницы, награжденные орденами Ленина; так что мы, дети, гордились: в 9-й начальной четыре ордена на трех учительниц!

Для меня моя учительница символ учительства вообще.

Она не только обучала нас, образовывала.

Не только воспитывала.

Она нас спасала — вот что главное.

Она ни разу с нами на эту тему не говорила, но мы подросли, и все поняли. Это и есть настоящая учительница. Настоящая интеллигентка.

И как тут не услышать Лихачева:

«Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового».

И еще он записал поистине вещее:

«Нация, которая не ценит интеллигентности, обречена на гибель».

И вот еще что он записал:

«...Нельзя притвориться интеллигентным. Можно притвориться добрым, щедрым, даже глубокомысленным, мудрым, наконец, но интеллигентным — никогда».

Могут заметить, и, возможно, справедливо, что времена-де меняются, интеллигентность ныне невостребованна, скорее, наоборот, и детям, входящим в

жизнь скорее надо локтями уметь работать, нежели брать деликатностью и культурой.

Однако стоит заметить, что отработав локтями и достигнув в этой толчее некоторого уровня благосостояния человек, ежели он развивающаяся персона, рано или поздно окажется неудовлетворен одной лишь материальной составляющей.

Ведь все это было, было, было и в нашей, русской истории, и в европейской, вспомним хотя бы «Сагу о Форсайтах» Голсуорси, а в американской — назову лишь одного Драйзера. И вот именно в этом контексте — контексте повторения пройденного мировым гуманизмом, мудро и современно звучат такие слова Лихачева:

«Удивительно правильная мысль: “Небольшой шаг для человека — большой шаг для человечества”. Можно привести тысячи примеров тому: быть добрым одному человеку ничего не стоит, но стать добрым человечеству невероятно трудно. Исправить человечество нельзя, исправить себя — просто. Накормить ребенка, перевести через улицу старика, уступить место в трамвае, хорошо работать, быть вежливым и обходительным... и т. д., и т. п. — все это просто для человека, но невероятно трудно для всех сразу. Вот почему нужно начинать с себя».

Дорогие коллеги! Учителство и наставничество — родственные понятия. Исполненные по совести, они помогают растущему человеку осознать себя и мир вокруг себя, ведут его к истине. Увы, путь к ложной истине тоже открыт, и сегодня сквозняки, смешанные из правды и лжи, не только детей путают, но и взрослых. Кто как не учитель, в отсутствии здоровых программ по гуманитарным дисциплинам, может и должен одарить своих учеников непреходящими ценностями, которые могут и отойти в тень под влиянием, скажем, новомодного постмодерна, но ведь рано или поздно истина вернется.

Я с радостью прочитал интервью Кирилла Юрьевича Лаврова в «Независимой газете», где он прямо и честно говорит, что ему неинтересны эксперименты современных театральных новаторов и он остается верным приверженцем реалистической ленинградской школы Георгия Товстоногова.

Ничего сложного, все по правде.

Но почему же слово Лаврова так и остается лишь его мнением? Почему его никто не отрицает, но и не принимает, как должно бы быть.

Почему школа молчит?

Школа вообще стала молчаливой. А помните начало «перестройки», которую можно оценить и «катастройкой», по Зиновьеву, но первый этап которой всех обнадежил. Помните «Вечера в Останкино», где часами обсуждалось наше бытие, не меньше. И кем? Учителями-новаторами! Где они теперь? Или их нет? Или они не нужны обществу?

Я с уважением отношусь к попыткам власти чуточку приподнять школу: надбавки за классное руководство, премии в миллион целой школе и 100 тысяч образцовому учителю. Благодарен президенту за то, что он впервые в новейшей

истории употребил слово «сироты», которых 200 тысяч в сиротских заведениях, и всего в стране под 800 тысяч.

Однако меня печалит какая-то настойчивая сосредоточенность на деньгах. Без них не обойтись, дело ясное, но понятия «деньги» и «честь» не всегда совпадают.

Ведь вот моя-то стародавняя учительница военных лет казенные деньги, даже за ордена, не «считала вправе» тратить на себя — на детей их тратила.

На мой взгляд, национальный проект «Образование» должен был деньгами завершаться. А начинаться — с укрепления репутации школы, и как тут вновь не вспомнить Лихачева, который написал:

«Человека создает средняя школа, высшая — дает специальность».

И вот я думаю, может быть, за этот священный труд создания человека надо бы возродить добрую традицию — награждение высшими орденами государства учителей за выслугу лет? Рядом со званием «Заслуженный учитель РФ» давно пора учредить звание «Народный учитель России» — подобное звание существовало в последние годы СССР.

Маленький, и в чем-то личный пример, извините уж за нескромность. Я вместе с властями Кирова-Вятки учредил там городскую премию имени моей Аполлинарии Николаевны Тепляшиной: четыре ежегодные награды по 10 тысяч рублей, но еще и позолоченный нагрудный знак с силуэтом моей учительницы, отчеканенный на Московском монетном дворе не хуже государственной награды, и еще большие фото — портрет старой учительницы каждому лауреату, с предложением, чтобы он висел в классе, где учителствует лауреат, — и расчетом: дети будут спрашивать, кто это, а учитель и расскажет о подвиге своей далекой предшественницы.

Соучредителем премии формально выступает Российский детский фонд, но эту премию я даю из своих писательских гонораров лично, и это, кажется, первая и, увы, единственная в России премия учителям именно начальной школы.

Я убежден — такие учительские классики есть в каждом регионе, и повсюду можно учредить такие награды — от имени помнящих учеников.

Так почему бы стране и не сподобиться, а власти, не обязательно центральной, не поддержать такое дело?

Одним только этим, не самым сложным действием, власть и общество сообща могли бы упрочить начальное образование, как самую нежную составляющую средней школы.

Укреплять школу можно по-разному. Но деньги обладают одним чудовищным качеством: они тают, проедаются, тратятся. И потратив их, чувство сытости не приходит. Что у человека лично, что у всего общества.

Но ведь деньги вроде призваны что-то изменить, как-то улучшить? А будет ли здорово, если премии уйдут на ремонт, на оборудование, даже на учебники — где же окажутся в таком случае бюджетные дотации? Значит, стоит создавать дополнительные, и, прежде всего, нравственные ценности.

Многие годы Д. С. Лихачев жил и работал в Ленинграде—Петербурге. Обожаю пострадавших ленинградцев, становлюсь перед ними на колени за 900 блокадных дней, но не знаю, как относиться к питерцам, еще не выработал отношения. Высоко чту писательский и гражданский подвиг Д. А. Гранина за «Блокадную книгу», но особо — за цикл его телефильмов-бесед о блокаде. Полагаю, что это образцовые уроки высокого мастера, посвященные не только страданию, мужеству, долгу блокадников, их терпению и нравственности, но и воспитанию гордости, достоинства, почитания в новых поколениях.

Я немало езжу по стране, встречаюсь с ребятами разных социальных слоев. Спрашиваю о блокаде, о Сталинграде, о битве под Москвой — полторы сухих фразы в ответ, в лучшем случае. Стараюсь расшевелить, разговорить — молчат, не могут сказать, страшно сказать: не знают.

Так вот предлагаю — только не знаю кому, на Минобрнауки надежда невелика: фильмы Гранина в виде цикла видеоуроков всем школам страны закупить и создать методику их понимания, обсуждения и, главное, воспитания одного из лучших человеческих достоинств — памяти и памятивости.

И лучшее из советской литературы надобно вернуть в школу — и «Повесть о настоящем человеке», и «Молодую гвардию», и «Два капитана» — или разве это все не с нами было?

Все это относится и к Д. С. Лихачеву! Книга, которую вы держите в руках, и названа нами «Заветное», — истинные заветы и духовное завещание прекрасного русского ученого, философа и писателя.

Она специально составлена для школы — для вашего ученика и для вас, уважаемый учитель. На наш взгляд, «Заветное», собранное из разбросанных заметок и записей, неожиданно сложилось в сверкающее драгоценными гранями, разнообразное, порой поражающее неожиданностью, новое сочинение Дмитрия Сергеевича, так ожидаемое новыми людскими поколениями. Когда-то он написал, что обращение старого человека к новым поколениям всегда грешит назидательностью. Но вот перед вами книга, решительно отвергающая это сомнение: книга Д. С. Лихачева «Заветное» — вольное и очень молодое, предельно современное суждение о жизни, и ничего здесь не устарело — ни удивление перед миром, ни глубина высокообразованного ума, ни поразительная свежесть и молодость взгляда!

А какое же почтение к истории, к литературе, к ценности человеческой жизни!

И это хороший учебник для юношества, да еще и на такую важную тему, как нравственность. Перечитайте заветные мысли Д. С. Лихачева и раз, и два, поговорите с вашими воспитанниками так проникновенно, чтобы в душах их всколыхнулось главное пламя — пламя желания сделать лучше самого себя и мир окружающий.

И тут к месту, мне кажется, еще раз заглянуть в пометы Лихачева. Большой знаток классики, он заметил, и не только для себя:

*«А. С. Пушкин в “Наброске статьи о русской литературе”: Уважение к
минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости».*

Остается лишь воскликнуть: как же это все про нас!

Нет на Руси ничего проще и яснее, чем почитание этого минувшего.

Нет ничего трудней и неразумнее, как это же самое почитание.

А про деньги... Опять из записок Лихачева. Выписанные им две строки поэта
Игоря Шкляревского:

«Дай мне все: я не стану богаче.

Все возьми: я не стану бедней».

Повторим, но без всякой иронии: не в деньгах счастье. Счастье в пламени:
загорится ли оно в детской душе.

Раздуйте же это пламя, дорогие учителя, повторяя пройденное Д. С.
Лихачевым. Восхититесь его заветными мыслями и наполните заветами его
неполные пока что сосуды детских сердец!